

18+

ИНТЕГРАТИВНЫЙ МЕТОД ЛЕЧЕНИЯ ЗАВИСИМОСТЕЙ: 7 ПРОЦЕССОВ

ОТ РАСЩЕПЛЕНИЯ

К ЦЕЛОСТНОСТИ

ГАТАЕВ РИНАТ

Ринат Гатаев

**Интегративный метод лечения
зависимостей: 7 процессов
от расщепления к целостности**

«Издательские решения»

Гатаев Р. Я.

Интегративный метод лечения зависимостей: 7 процессов от расщепления к целостности / Р. Я. Гатаев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Зависимость остается одной из самых тяжелых и многослойных проблем современной психологии, психотерапии и наркологии. Несмотря на развитие нейробиологии, клинической психологии, психофармакологии и реабилитационных программ, эффективность помощи людям с аддиктивными расстройствами по-прежнему остается ограниченной. Цель этой книги состоит не только в описании нового терапевтического подхода, но и в более широком переосмыслении самой природы выздоровления при зависимости.

© Гатаев Р. Я.

© Издательские решения

Содержание

7 ПРОЦЕССОВ ОТ РАСЩЕПЛЕНИЯ К ЦЕЛОСТНОСТИ	6
ОГЛАВЛЕНИЕ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1	11
Зависимость как хроническое рецидивирующее расстройство	11
Нейробиологические механизмы зависимости	13
Эмоциональная дисрегуляция, стресс и утрата саморегуляции	15
Соматические маркеры и роль тела в аддиктивном процессе	17
Созависимость как системное измерение зависимости	19
Зависимость как расщепление внутренней целостности	21
ГЛАВА 2	23
Когнитивно-поведенческая терапия: возможности и ограничения	23
Программы «12 ступеней»: терапевтический потенциал и пределы применимости	25
Психодинамические подходы в терапии зависимостей	28
Групповая психотерапия и модели профилактики рецидива	30
Практики осознанности в лечении зависимостей	32
Необходимость интегративной модели лечения	35
ГЛАВА 3	37
Интегративная психология как методологическая основа ИМЛЗ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Интегративный метод лечения зависимостей: 7 процессов от расщепления к целостности

Ринат Ягфарович Гатаев

© Ринат Ягфарович Гатаев, 2026

ISBN 978-5-0070-0109-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИНТЕГРАТИВНЫЙ МЕТОД ЛЕЧЕНИЯ ЗАВИСИМОСТЕЙ:

7 ПРОЦЕССОВ ОТ РАСЩЕПЛЕНИЯ К ЦЕЛОСТНОСТИ ГАТАЕВ РИНАТ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА 1 8

- Зависимость как хроническое рецидивирующее расстройство 8
- Нейробиологические механизмы зависимости 11
- Эмоциональная дисрегуляция, стресс и утрата саморегуляции 14
- Соматические маркеры и роль тела в аддиктивном процессе 17
- Созависимость как системное измерение зависимости 20
- Зависимость как расщепление внутренней целостности 23

ГЛАВА 2 26

- Когнитивно-поведенческая терапия: возможности и ограничения 26
- Программы «12 ступеней»: терапевтический потенциал и пределы применимости 30
- Психодинамические подходы в терапии зависимостей 34
- Групповая психотерапия и модели профилактики рецидива 38
- Практики осознанности в лечении зависимостей 42
- Необходимость интегративной модели лечения 45

ГЛАВА 3 48

- Интегративная психология как методологическая основа ИМЛЗ 48
- Психофизиологическая матрица человека и механизмы саморегуляции.. 51
- Переход от перегруженной аналитической системы к интуитивной системе 54
- Роль осознанности, рефрейминга и эмоциональной переработки 57
- Семейная система и созависимость в структуре терапевтического процесса 60
- Биопсихосоциальная и эпигенетическая перспектива выздоровления 63

ГЛАВА 4 66

- История возникновения метода 66
- Базовые принципы ИМЛЗ 69
- Архитектура терапевтического процесса 72
- Индивидуальная терапия в структуре метода 75
- Динамическая группа как терапевтическое ядро 78
- Работа с телом, режимом, средой и биомедицинской поддержкой 81
- Поддерживающие модули и профилактика рецидива 84

ГЛАВА 5 88

- Методика «5 диалогов» 88
- Модуль «7 процессов» как центральный психотерапевтический блок 91
- Техника «5 пальцев» 94
- Дневник чувств и внутреннего состояния 98
- Психофизиологический модуль как уровень телесно-нервной регуляции. 102

— Модуль средовой интервенции как пространство формирования новой жизненной структуры 106

— Биологический модуль как восстановление жизненного ритма и телесного ресурса 110

— Альтруистический модуль как механизм укрепления выздоровления 114

— Модуль «12 ступеней» в структуре ИМЛЗ 117

— Модуль внутреннего когнитивного осознания как инструмент метакогнитивной интеграции 120

— Синтез модулей ИМЛЗ: архитектура целостного воздействия 123

ГЛАВА 6 127

— Расщепление как базовый механизм зависимого функционирования и точка приложения ИМЛЗ 127

— От симптоматического облегчения к внутренней переработке: смена механизма регуляции 130

— От внешней опоры к внутренней автономии 134

— Рефрейминг как механизм перестройки зависимого опыта 138

— Резилентность как результат и процесс терапии 142

— Метаосознанность как условие устойчивого выздоровления 145

— Механизмы терапевтической трансформации: переход к внутренней целостности 148

ГЛАВА 7 152

— Этапность терапевтического процесса в ИМЛЗ 152

— Первичная стабилизация как необходимое условие глубинной терапии... 156

— Переход от удержания к глубинной переработке 159

— Интеграция терапевтических изменений в повседневную жизнь 162

— Профилактика рецидива как часть зрелой терапевтической системы. 165

— Клиническая логика развертывания ИМЛЗ и этапы процесса 168

ГЛАВА 8 171

— Клиническая эффективность ИМЛЗ: результаты, критерии и пределы интерпретации 171

— Результаты ИМЛЗ в свете ретроспективного клинического анализа 175

— Клинические наблюдения как источник качественного понимания эффективности метода 179

— Ограничения метода и пределы его применения 183

— Эффективность и ограничения ИМЛЗ: синтез клинической убедительности и научной осторожности 187

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 190

Перспективы развития интегративного метода лечения зависимостей 190

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта монография родилась не только из теоретического интереса к проблеме зависимости, но и из многолетнего практического опыта работы с людьми, для которых зависимость стала не эпизодом, а формой разрушения жизни, личности, отношений и внутренней опоры.

Чем глубже я работал с такими пациентами, тем яснее становилось, что зависимость всегда оказывается более сложным явлением, затрагивающим одновременно тело, эмоциональную сферу, мышление, систему привязанностей, семейную динамику и саму структуру внутренней жизни человека.

Постепенно, в ходе практической работы, клинических наблюдений, анализа ремиссий и рецидивов, сформировалось понимание необходимости целостного подхода. Интегративный метод лечения зависимостей, представленный в этой книге, возник как попытка ответить на один принципиальный вопрос: что именно должно измениться в человеке, чтобы выздоровление стало не временным воздержанием, а устойчивым внутренним переходом к другой форме жизни.

В центре этого метода находится не только прекращение употребления психоактивных веществ, но и восстановление целостности личности, способности к саморегуляции, внутренней опоре, эмоциональной переработке и подлинному контакту с реальностью.

Я исхожу из того, что зависимость — это расстройство целостной системы человеческой жизни, в котором психическое, телесное и социальное оказываются глубоко переплетены. Выздоровление требует глубокой внутренней перестройки, которая становится возможной лишь тогда, когда терапия затрагивает человека целиком.

ВВЕДЕНИЕ

Зависимость остается одной из самых тяжелых и многослойных проблем современной психологии, психотерапии и наркологии. Несмотря на развитие нейробиологии, клинической психологии, психофармакологии и реабилитационных программ, эффективность помощи людям с аддиктивными расстройствами по-прежнему остается ограниченной. Даже при наличии мотивации, осознания разрушительных последствий и неоднократных попыток прекратить употребление, значительная часть пациентов возвращается к прежнему способу регуляции своего состояния. Это заставляет вновь и вновь ставить вопрос не только о том, как лечить зависимость, но и о том, насколько полно мы понимаем ее природу.

Долгое время зависимость рассматривалась преимущественно либо как поведенческое нарушение, либо как следствие биохимической дисрегуляции, либо как результат личностной незрелости, травматического опыта или неблагоприятной социальной среды. Каждая из этих моделей внесла важный вклад в понимание аддиктивного процесса. Однако клиническая практика показывает, что ни одна из них в отдельности не позволяет объяснить всю глубину и устойчивость зависимого поведения. В реальной жизни зависимость всегда оказывается явлением, в котором переплетаются нейробиологические, психологические, телесные, семейные и социальные механизмы. Именно эта многослойность делает ее столь устойчивой к фрагментарным формам терапии.

Особую сложность представляет хроническая зависимость, при которой страдает не только контроль над употреблением психоактивных веществ, но и вся система внутренней саморегуляции человека. Нарушаются способы переживания боли, переработки эмоционального напряжения, выстраивания отношений, распознавания собственных состояний и поддержания устойчивой внутренней опоры. В этом смысле зависимость можно рассматривать не только как патологию употребления, но и как кризис целостности личности, при котором человек утрачивает способность поддерживать согласованность между телом, эмоциями, мышлением, смыслом и поведением.

Именно поэтому в последние годы становится все более очевидным, что лечение зависимости не может сводиться только к прекращению употребления, контролю поведения или подавлению симптомов. Устойчивое выздоровление требует более глубокого процесса, в ходе которого происходит перестройка всей системы саморегуляции, восстановление внутренней опоры, снижение хронического напряжения, изменение отношений с собой и окружающими, а также формирование нового способа проживания реальности без психоактивных веществ. Такой процесс требует терапевтической модели,

способной работать одновременно на нескольких уровнях человеческого функционирования.

Интегративный метод лечения зависимостей, представленный в данной монографии, возник как ответ на эту необходимость. Метод опирается на представление о человеке как о целостной биопсихосоциальной системе, в которой эмоциональные, когнитивные, телесные и межличностные процессы находятся в постоянной взаимосвязи. В основе метода лежит идея о том, что устойчивое выздоровление становится возможным не тогда, когда человек просто прекращает употребление, а тогда, когда он восстанавливает утраченную внутреннюю целостность и способность к саморегуляции.

Теоретической основой метода стали положения интегративной психологии, концепция психофизиологической матрицы человека, современные представления о нейробиологии зависимости, данные о роли соматических маркеров в принятии решений, а также практический опыт работы с когнитивными, групповыми, телесными и семейными интервенциями. Особое значение в данной модели придается переходу от состояния хронического гиперконтроля и перегруженной аналитической системы к более целостной, интуитивной и устойчивой форме саморегуляции. Именно этот переход рассматривается как один из центральных механизмов терапевтической трансформации.

Настоящая монография посвящена теоретическому обоснованию, клиническому описанию и анализу эффективности Интегративного метода лечения зависимостей. В ней последовательно рассматриваются современные представления о природе зависимости, ограничения традиционных подходов к ее лечению, концептуальные основания интегративной модели, структура и логика самого метода, механизмы терапевтических изменений, клинические кейсы и результаты эмпирического исследования. Отдельное внимание уделяется границам метода, условиям его эффективности и перспективам дальнейшего научного развития, включая обсуждение возможной связи между глубинной психосоциальной трансформацией и изменением биологических показателей.

Цель этой книги состоит не только в описании нового терапевтического подхода, но и в более широком переосмыслении самой природы выздоровления при зависимости. Выздоровление в данном контексте понимается не как формальное воздержание и не как внешняя дисциплина, а как постепенное восстановление человеческой целостности, способности выдерживать реальность без разрушительного ухода в психоактивное облегчение и способности строить жизнь на иной внутренней основе.

ГЛАВА 1

Зависимость как хроническое рецидивирующее расстройство

Зависимость относится к числу наиболее сложных и устойчивых расстройств современного человека, в которых биологические, психологические и социальные механизмы оказываются тесно переплетены. В клинической практике зависимость давно перестала восприниматься только как следствие слабой воли, моральной несостоятельности или случайного неблагополучного поведения. Современное понимание показывает, что речь идет о хроническом рецидивирующем расстройстве, затрагивающем не только сам факт употребления психоактивных веществ, но и всю систему мотивации, эмоциональной регуляции, когнитивного контроля, межличностных отношений и внутренней саморегуляции человека.

Хронический характер зависимости проявляется прежде всего в ее способности сохраняться на протяжении длительного времени даже в тех случаях, когда человек уже ясно осознает разрушительные последствия собственного поведения. Утрата здоровья, распад отношений, профессиональная деградация, финансовые потери, социальная изоляция и чувство внутреннего краха далеко не всегда приводят к прекращению употребления. Напротив, именно на поздних стадиях зависимости нередко становится очевидным болезненный парадокс: человек продолжает делать то, что уже не приносит подлинного облегчения, радости или свободы, но воспринимается как единственный доступный способ справиться с внутренним напряжением, пустотой, тревогой, болью или бессилием.

Рецидивирующий характер зависимости связан с тем, что даже после периодов прекращения употребления у человека нередко сохраняются прежние механизмы реагирования на стресс, внутренние конфликты, эмоциональная незрелость, нарушенные способы самоподдержки и патологически закрепленные поведенческие паттерны. Если глубинная структура зависимости остается неизменной, временное воздержание само по себе еще не означает выздоровления. Именно поэтому клинически значимое различие необходимо проводить не только между употреблением и неупотреблением, но и между формальным прекращением вещества и реальной внутренней перестройкой личности, без которой риск возврата к зависимости остается высоким.

Одной из наиболее существенных особенностей аддиктивного расстройства является постепенное смещение центра психической жизни человека. На ранних этапах употребление может переживаться как средство облегчения,

эмоциональной стимуляции, снятия напряжения или способ социальной адаптации. Однако по мере формирования зависимости психоактивное вещество начинает занимать центральное место в системе внутренней регуляции. Оно перестает быть внешним эпизодом и становится частью базового способа существования, влияя на настроение, самоощущение, отношения, образ мышления, телесное состояние и восприятие реальности. На этом этапе зависимость уже нельзя свести к серии отдельных эпизодов употребления, поскольку она превращается в системное нарушение способа жизни.

Принципиально важно понимать, что зависимость не исчерпывается феноменом влечения к веществу. Влечение, безусловно, является одним из ее центральных проявлений, однако за ним стоят более глубокие процессы. Речь идет о нарушении способности выдерживать внут-

ренное напряжение без немедленного ухода в компенсаторную форму облегчения, о снижении способности к переработке эмоциональной боли, о нарушении контакта с собственными переживаниями и телесными сигналами, а также о деформации системы смыслов и мотивации. В этом отношении зависимость затрагивает не только поведение, но и саму структуру личности, формируя устойчивую патологическую организацию внутренней жизни.

Клинические наблюдения показывают, что зависимость редко существует изолированно. Как правило, она сопровождается выраженными нарушениями в эмоциональной, семейной и социальной сферах. На фоне аддиктивного процесса нарастают тревожность, депрессивные состояния, внутреннее напряжение, раздражительность, эмоциональная неустойчивость, ощущение пустоты и бессмысленности. Отношения с близкими становятся либо конфликтными, либо созависимо-спутанными. Утрата доверия, амбивалентность, скрытность, чувство вины и хроническое напряжение постепенно формируют вокруг человека особое психологическое поле, в котором зависимость поддерживается не только веществом, но и всей структурой отношений. В этом смысле аддиктивное расстройство всегда выходит за пределы отдельного симптома и затрагивает систему, в которой живет человек.

Особого внимания заслуживает тот факт, что зависимость обладает высокой способностью к самоподдержанию. На определенном этапе она начинает воспроизводить саму себя через биологические, психологические и социальные механизмы. Чем выше внутреннее напряжение, тем больше стремление к облегчению через употребление. Чем чаще используется это облегчение, тем слабее становятся естественные механизмы саморегуляции. Чем слабее саморегуляция, тем труднее выдерживать реальность без психоактивной поддержки. В результате формируется замкнутый круг, в котором зависимость становится не просто реакцией на проблему, а самостоятельной системой,

производящей новые проблемы и одновременно предлагающей ложный способ их временного снятия.

Именно поэтому в современной психологии и наркологии зависимость все чаще рассматривается как расстройство, требующее комплексного и многоуровневого понимания. Недостаточно видеть в ней только нейрохимическую дисрегуляцию, только поведенческий дефект или только следствие неблагополучной биографии. Зависимость развивается там, где нарушается согласованность между телесными сигналами, эмоциональной жизнью, когнитивным контролем, межличностными связями и смысловой организацией личности. Ее хронический характер объясняется тем, что она встраивается в саму систему существования человека и начинает выполнять функции, которые в норме должны обеспечиваться зрелой психической саморегуляцией.

Таким образом, зависимость как хроническое рецидивирующее расстройство должна рассматриваться не только как медицинская или поведенческая проблема, но и как глубокий кризис внутренней организации человека. Она разрушает способность к устойчивой саморегуляции, деформирует систему отношений, снижает свободу выбора и постепенно подменяет собой живой процесс внутренней жизни. Именно поэтому лечение зависимости требует не только прекращения употребления, но и восстановления тех психических, телесных и социальных оснований, без которых подлинное выздоровление оказывается невозможным.

Нейробиологические механизмы зависимости

Современное понимание зависимости невозможно без обращения к нейробиологии, поскольку именно она позволяет увидеть, что аддиктивное поведение связано не только с психологическим выбором человека, но и с глубокой перестройкой систем мозга, отвечающих за мотивацию, вознаграждение, стрессовую реактивность, эмоциональную регуляцию и когнитивный контроль. В этом смысле зависимость представляет собой не просто повторяющееся употребление психоактивных веществ, а процесс, в ходе которого меняется сам способ функционирования нейропсихической системы.

Центральное место в нейробиологии зависимости занимает дофаминергическая система, прежде всего мезолимбический путь, связывающий вентральную покрышечную область с ядром аккубенс и другими структурами лимбической системы. Именно эта система участвует в формировании мотивационной значимости, ожидания вознаграждения, закрепления поведения и обучения на основе удовольствия или облегчения. При употреблении психоактивных веществ происходит резкое и неестественно мощное повышение дофаминовой активности, значительно превосходящее реакцию на естественные стимулы. В результате мозг начинает маркировать вещество как источник исключительно важного и приоритетного переживания, а поведение, связанное с его поиском и употреблением, получает патологически сильное подкрепление.

Однако роль дофамина в аддиктивном процессе значительно сложнее, чем простая связь с удовольствием. Современные исследования показывают, что дофамин в большей степени участвует не столько в переживании наслаждения, сколько в формировании стремления, мотивационной направленности и присвоении стимулу особой значимости. По мере развития зависимости вещество начинает восприниматься не просто как желаемое, а как жизненно необходимое средство регулирования внутреннего состояния. На этом этапе формируется опасное расхождение между реальным удовольствием от употребления и навязчивой потребностью повторять его. Человек может уже не испытывать прежней эйфории, но продолжает испытывать мощное внутреннее побуждение к употреблению.

С этим связан другой важный нейробиологический механизм, описываемый в теории сенсibilизации влечения. Повторное употребление психоактивных веществ приводит к повышенной чувствительности мозговых систем, отвечающих за желание и стремление к веществу, а также к гиперреактивности на внешние и внутренние стимулы, связанные с употреблением. Запах, место, состояние тревоги, определенный круг общения или даже неосознанная

эмоциональная ассоциация могут запускать сильное влечение, которое переживается как внезапное, непреодолимое и не вполне объяснимое. Именно поэтому зависимость не исчезает автоматически после простого прекращения употребления. Следы аддиктивного обучения сохраняются в памяти, а связанные с ним нейронные цепи продолжают активироваться даже спустя длительное время.

Еще одним ключевым механизмом является нейроадаптация. Мозг, постоянно сталкиваясь с искусственно усиленной стимуляцией, начинает перестраивать свои рецепторные и нейрохимические системы. Снижается чувствительность к естественным источникам удовольствия, нарушается способность испытывать удовлетворение от обычной жизни, ослабевают мотивация к повседневной деятельности, не связанной с веществом. То, что раньше приносило радость, интерес или эмоциональную насыщенность, начинает восприниматься как тусклое,

пустое и незначительное. В результате психоактивное вещество все больше вытесняет альтернативные формы удовлетворения и становится центральным регулятором внутреннего тонуса.

Особое значение в патогенезе зависимости имеет нарушение стрессовых систем организма. Хроническое употребление психоактивных веществ затрагивает гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковую ось, механизмы выработки кортизола, систему кортикотропин-рилизинг-фактора и норадренергическую регуляцию. Это приводит к тому, что человек становится более уязвимым к стрессу, быстрее выходит из состояния внутреннего равновесия и хуже переносит даже умеренное эмоциональное напряжение. В какой-то момент употребление начинает выполняться не ради эйфории, а ради временного снятия внутреннего дискомфорта, тревоги, раздражения, опустошенности или ощущения невыносимости жизни. Именно на этом этапе зависимость приобретает особенно тяжелый и хронический характер.

Наряду с системами вознаграждения и стресса при зависимости страдают механизмы когнитивного контроля. В норме префронтальные отделы коры обеспечивают способность человека оценивать последствия, удерживать импульсы, регулировать поведение, соотносить краткосрочные желания с долгосрочными целями и принимать решения с учетом реальности. При хроническом аддиктивном процессе функции этих структур ослабевают. Снижается способность к самонаблюдению, торможению импульсов, выдерживанию паузы между желанием и действием. Человек начинает действовать более автоматически, импульсивно и стереотипно. Поведение перестает быть по-настоящему свободным и все больше подчиняется закрепленным нейронным паттернам.

Серьезную роль в развитии зависимости играет также нарушение интероцепции, то есть способности воспринимать и распознавать внутренние

сигналы собственного тела. За этот процесс в значительной степени отвечает островковая кора, связанная с переживанием внутренних состояний, телесных ощущений, эмоционального напряжения и соматических маркеров. Когда связь с этими сигналами нарушается, человек хуже распознает усталость, тревогу, голод, внутреннюю боль, эмоциональное истощение и другие состояния, которые могли бы быть осознаны и переработаны иным путем. Вместо этого возникает тенденция автоматически искать быстрое внешнее средство регуляции. В этом смысле зависимость связана не только с тягой к веществу, но и с потерей чувствительности к собственному внутреннему состоянию.

Нейробиологический взгляд на зависимость позволяет также понять, почему рецидив нельзя рассматривать только как моральный провал или отсутствие мотивации. На уровне мозга рецидив часто является результатом повторной активации уже сформированных цепей, связанных с памятью о веществе, стрессовой уязвимостью, нарушением саморегуляции и дефицитом альтернативных способов восстановления равновесия. Если психотерапевтическая работа не затрагивает эти глубинные механизмы, если человек не формирует новые пути переживания, переработки и самоподдержки, риск возврата к употреблению остается высоким даже при искреннем желании изменить жизнь.

В то же время нейробиология зависимости не должна становиться редукционистским объяснением, сводящим весь аддиктивный процесс исключительно к химии мозга. Напротив, ее данные особенно важны именно тогда, когда они рассматриваются в связи с психологическим и социальным контекстом. Мозг изменяется в процессе жизни, опыта, отношений, стресса, травмы и повторяющегося поведения. Поэтому нейробиологические механизмы зави-

симости следует понимать как часть более широкой системы, где биологическое, эмоциональное, когнитивное и межличностное постоянно влияют друг на друга.

Таким образом, зависимость на нейробиологическом уровне представляет собой результат сложной и глубокой перестройки систем вознаграждения, стресса, саморегуляции, interoцепции и когнитивного контроля. Эта перестройка делает человека менее свободным в выборе, более уязвимым к внутреннему напряжению и более зависимым от внешнего искусственного способа регуляции состояния. Именно поэтому эффективное лечение зависимости должно учитывать нейробиологическую реальность аддиктивного процесса, но при этом выходить за ее пределы, затрагивая всю систему человеческой жизни, в которой эти механизмы были сформированы и продолжают воспроизводиться.

Эмоциональная дисрегуляция, стресс и утрата саморегуляции

Одним из центральных механизмов формирования и поддержания зависимости является эмоциональная дисрегуляция. Я бы даже сказал осторожнее, но точнее: во многих случаях именно она становится тем внутренним полем, на котором зависимость закрепляется и начинает воспроизводить саму себя. Речь идет не просто о повышенной чувствительности, импульсивности или трудности переносить неприятные переживания. Эмоциональная дисрегуляция означает более глубокое нарушение способности человека распознавать свои состояния, выдерживать их, осмыслять, перерабатывать и регулировать без разрушительных компенсаторных действий.

В норме психическая жизнь человека предполагает существование внутреннего регуляторного контура, в котором переживание, даже болезненное, может быть замечено, названо, удержано и постепенно преобразовано. Напряжение не обязательно должно сразу разряжаться действием. Тревога не обязательно требует немедленного бегства. Внутренняя боль не обязательно должна быть немедленно выключена. Однако при зависимости этот контур оказывается нарушенным. Человек часто не способен достаточно долго находиться в контакте со своим состоянием, чтобы оно стало предметом осознания и переработки. Вместо этого включается стремление как можно быстрее изменить переживание, убрать его, заглушить или заменить другим состоянием.

На ранних этапах аддиктивного процесса употребление психоактивного вещества может восприниматься как эффективный способ управления внутренней жизнью. Оно действительно временно снижает тревогу, ослабляет чувство одиночества, снимает внутренний зажим, смягчает стыд, приглушает боль, дает иллюзию энергии или внутренней свободы. Именно в этом и заключается его коварство. Вещество начинает выполнять функцию быстрой внешней регуляции там, где собственные механизмы психической саморегуляции недостаточно сформированы, истощены или разрушены. И постепенно человек утрачивает не только способность выдерживать напряжение, но и сам навык жить без внешнего химического посредника.

Стресс в этой системе занимает особое место. Следует иметь в виду, что речь идет не только об острых травматических событиях или крупных жизненных потрясениях. Для зависимого человека разрушительным может становиться и хронический повседневный стресс: эмоциональная перегрузка, конфликты, неустойчивая самооценка, внутреннее чувство несоответствия, страх отвержения, невозможность справиться с требованиями реальности, накопленная усталость. Там, где здоровая психическая система способна

мобилизоваться, переработать напряжение и восстановить равновесие, зависимая структура часто реагирует дестабилизацией, внутренним хаосом и стремлением к немедленному облегчению.

Особая трудность заключается в том, что у многих зависимых пациентов сама способность различать оттенки собственного эмоционального состояния оказывается значительно сниженной. Вместо точного распознавания внутреннего процесса, например стыда, страха, унижения, бессилия, скорби, тоски, разочарования, человек переживает лишь общее невыносимое напряжение. Оно ощущается как нечто тотальное, смутное, телесно-тягостное и требующее немедленного снятия. В этом смысле зависимость оказывается связана не только с нарушением контроля, но и с дефицитом внутренней эмоциональной дифференциации. А то, что не распознается, почти не поддается осмысленной регуляции.

Не менее важен и тот факт, что эмоциональная дисрегуляция при зависимости редко бывает ситуативной. Обычно она формируется как устойчивая особенность внутреннего функционирования, уходящая корнями в ранний опыт, травматизацию, нестабильную привязанность, семейную среду, хроническое напряжение и повторяющееся подавление чувств. Если человек с детства привыкает к тому, что его переживания не выдерживаются средой, не называются, не контейнируются и не получают безопасной формы выражения, он нередко вырастает без достаточно развитой способности внутренне поддерживать самого себя. Тогда во взрослом возрасте аддиктивное поведение становится не случайным выбором, а почти закономерной формой компенсации.

В этой точке особенно ясно видно, что зависимость не может быть понята только как проблема влечения к веществу. В ее основании часто лежит утрата способности быть в отношениях со своим внутренним миром без немедленного разрушительного вмешательства. Человек не выдерживает себя, не выдерживает паузу, не выдерживает боль, не выдерживает пустоту, не выдерживает неопределенность. И если в этот момент психоактивное вещество или иная форма зависимости предлагает быстрое облегчение, психика закрепляет этот путь как наиболее доступный и надежный, пусть даже в долгосрочной перспективе он оказывается катастрофическим.

Утрата саморегуляции проявляется не только в сфере эмоций, но и в поведении, мышлении, отношениях с телом и времени. Нарушается способность ждать, откладывать импульс, переносить фрустрацию, восстанавливаться после перегрузки, выдерживать противоречивые чувства, удерживать долгосрочную цель. Жизнь начинает строиться по принципу немедленного ответа на внутренний дискомфорт. И чем чаще этот принцип повторяется, тем слабее становятся естественные механизмы психической

устойчивости. В результате возникает замкнутый круг: чем меньше саморегуляции, тем выше потребность во внешней регуляции; чем больше внешней регуляции, тем меньше развивается внутренняя.

Следует отметить и еще одну важную особенность. Зависимый человек далеко не всегда выглядит эмоционально хаотичным внешне. Иногда, напротив, он производит впечатление собранного, рационального, даже чрезмерно контролирующего себя. Но за таким гиперконтролем нередко скрывается не зрелая устойчивость, а хрупкая конструкция, поддерживаемая огромным внутренним напряжением. В подобных случаях зависимость выполняет функцию не только снятия боли, но и кратковременного освобождения от избыточного внутреннего контроля, от постоянного усилия держать себя в жестких рамках. Это важное наблюдение, потому

что оно показывает: зависимость может обслуживать как выраженную импульсивность, так и противоположный полюс, болезненный гиперконтроль.

С клинической точки зрения из этого вытекает принципиальный вывод. Лечение зависимости не может ограничиваться формированием запрета на употребление или обучением отдельным техникам самоконтроля. Если не восстанавливать саму способность человека к эмоциональной переработке, внутреннему контейнированию переживаний, устойчивому контакту с собой и формированию новых способов проживания стресса, зависимость будет воспроизводиться в старой или новой форме. Настоящее выздоровление начинается там, где человек постепенно учится не избегать свое внутреннее состояние любой ценой, а выдерживать его, понимать и преобразовывать.

Таким образом, эмоциональная дисрегуляция, стрессовая уязвимость и утрата саморегуляции составляют один из базовых патогенетических узлов зависимости. Они делают человека зависимым не только от вещества, но и от самого принципа внешнего облегчения как универсального ответа на внутреннюю трудность. Именно поэтому в любой глубокой терапии зависимости ключевой задачей становится не просто устранение симптома, а восстановление способности жить в контакте со своим внутренним миром без разрушительного бегства из него.

Соматические маркеры и роль тела в аддиктивном процессе

Вопрос о роли тела в структуре зависимости долгое время оставался в тени, как будто основная драма разворачивается только на уровне поведения, мышления или химии мозга. Но клинический опыт показывает другое. Тело не является пассивным фоном аддиктивного процесса. Оно участвует в нем постоянно, иногда раньше сознания, иногда точнее сознания, а иногда вопреки тем объяснениям, которые человек дает сам себе. Именно поэтому анализ зависимости без учета соматических маркеров и телесной регуляции остается неполным.

Понятие соматических маркеров позволяет рассматривать тело как систему, в которой фиксируется и удерживается опыт, значимый для выбора, оценки ситуации и эмоционального реагирования. В широком смысле речь идет о телесных сигналах, связанных с предшествующим опытом удовольствия, боли, угрозы, стыда, облегчения, напряжения и безопасности. Эти сигналы не всегда осознаются человеком в явной форме, но они участвуют в принятии решений, в возникновении импульса, в чувстве притяжения или отталкивания, в переживании внутренней правильности или опасности. Иными словами, тело не просто сопровождает психическую жизнь, а активно участвует в ее организации.

В контексте зависимости это особенно важно, потому что аддиктивный процесс быстро формирует устойчивую связь между определенными внутренними состояниями и телесно закрепленными путями их разрядки. Напряжение, тревога, пустота, чувство внутреннего распада или невыносимая перегрузка начинают автоматически связываться с определенной формой облегчения, чаще всего через вещество, а иногда через компульсивное поведение. Постепенно тело запоминает не только сам факт употребления, но и его регуляторную функцию. В результате человек может еще не успеть осмыслить свое состояние, а телесная система уже движется в сторону привычного способа разрядки.

Именно поэтому в реальной клинической работе влечение к употреблению нередко переживается не как продуманное решение, а как почти телесная неизбежность. Человек говорит, что его буквально повело, потянуло, скрутило изнутри, накрыло, и эти слова не стоит считать

лишь фигурами речи. За ними действительно стоит телесный уровень активации, в котором уже включились знакомые цепи напряжения, ожидания, предвосхищения облегчения и автоматизированного двигательного ответа. Аддиктивный импульс во многих случаях сначала возникает как телесно-аффективная волна, и лишь затем обрастает мыслями, оправданиями и объяснениями.

Следует учитывать, что тело в зависимости становится не только носителем влечения, но и носителем хронической дисрегуляции. У зависимых пациентов часто наблюдаются нарушения сна, аппетита, ритмов бодрствования и восстановления, чувствительности к усталости, насыщению, боли, перегрузке и потребности в отдыхе. Телесные сигналы либо становятся чрезмерно болезненными и трудно переносимыми, либо, напротив, перестают достаточно ясно распознаваться. В обоих случаях человек теряет доступ к телу как к источнику ориентировки. Вместо живой саморегуляции возникает либо гиперреактивность, либо отчуждение от собственного физического состояния.

Особенно важно то, что тело нередко хранит следы переживаний, которые не были психически переработаны. Хронический стыд, страх, унижение, подавленная агрессия, опыт небезопасности, длительное эмоциональное напряжение, травматические события, все это может сохраняться не только в памяти как рассказ, но и в телесных паттернах. Мышечные зажимы, изменение дыхания, внутреннее напряжение, нарушения осанки, постоянная готовность к защите, соматизированная тревога, расстройства пищевого поведения, эпизоды телесного истощения, все это часто оказывается не побочным явлением, а частью общего аддиктивного контура. Если терапия не затрагивает этот уровень, значительная часть материала продолжает жить вне слов и вне осознанной переработки.

В этом смысле тело можно рассматривать как важнейший индикатор терапевтических изменений. Очень часто именно телесная динамика первой показывает, действительно ли человек меняется, или пока происходит только интеллектуальное согласие с лечением. Изменение сна, уменьшение внутренней зажатости, появление способности дышать глубже, лучше чувствовать усталость и вовремя останавливаться, переносить паузу без немедленного действия, замечать первые признаки напряжения, все это является не второстепенными деталями, а признаками восстановления саморегуляции. Иногда тело раньше психики начинает говорить о том, что система перестраивается.

Здесь возникает важный клинический вывод. Если зависимость затрагивает телесный уровень, значит и терапия не может оставаться только вербальной. Одной рациональной интерпретации, одного анализа убеждений или даже одной мотивационной работы недостаточно. Необходимо включение практик, которые помогают человеку заново устанавливать контакт со своими телесными состояниями, распознавать сигналы перегрузки, напряжения, тяги и истощения, различать, что именно с ним происходит, и осваивать новые способы регуляции, не связанные с саморазрушением. Иначе тело будет продолжать жить по старому сценарию даже тогда, когда сознание уже декларирует намерение измениться.

При этом важно не идеализировать телесный уровень и не представлять его как всегда истинный и чистый источник сигналов. У зависимого человека тело тоже может быть искажено аддиктивным обучением. Его импульсы могут быть спутаны, маркеры могут вести не к безопасности, а к привычной форме разрушительного облегчения. Поэтому задача терапии состоит не просто в том, чтобы слушать тело, а в том, чтобы постепенно восстанавливать его чувствительность, дифференцированность и надежность как части общей системы саморегуляции.

Таким образом, соматические маркеры и телесные процессы занимают в аддиктивном расстройстве не периферическое, а центральное место. Через тело зависимость закрепляется, поддерживается и воспроизводится, но через тело же могут начинаться первые реальные изменения. Восстановление контакта с собственными телесными сигналами, распознавание внутренней активации, снижение хронического напряжения и формирование новых паттернов регуляции являются важнейшими условиями выхода из зависимости. Именно поэтому тело в терапии зависимости должно рассматриваться не как приложение к психотерапии, а как один из ее основных рабочих уровней.

Созависимость как системное измерение зависимости

Рассматривать зависимость только как проблему одного человека, значит с самого начала сужать поле понимания. В реальной жизни зависимость почти никогда не существует изолированно. Она включена в сеть отношений, эмоциональных обменов, защитных ролей, взаимных ожиданий, скрытого контроля, чувства вины, страха, спасательства и хронического напряжения. Именно поэтому созависимость следует понимать не как второстепенное приложение к аддиктивному расстройству, а как одно из его системных измерений.

Созависимость возникает там, где жизнь близкого человека постепенно начинает организовываться вокруг зависимости другого. Сначала это может выглядеть как забота, попытка помочь, стремление удержать семью, защитить, спасти, компенсировать последствия. Но со временем такая вовлеченность теряет свободный и гибкий характер. Внутреннее состояние созависимого человека все сильнее определяется не его собственной жизнью, а поведением зависимого, его состоянием, срывами, обещаниями, настроением, угрозами, исчезновениями, возвращениями и временными улучшениями. В результате фокус психической жизни смещается. Человек перестает жить из себя и начинает жить вокруг чужой зависимости.

Следует подчеркнуть, что созависимость не сводится к бытовой привязанности или чрезмерной эмоциональности. Речь идет о более глубоком нарушении границ, в котором собственная устойчивость, самооценка, чувство реальности и внутренняя опора начинают зависеть от того, что происходит с другим человеком. Созависимый может постоянно отслеживать, контролировать, проверять, спасать, оправдывать, скрывать, терпеть, обвинять, угрожать или, наоборот, полностью растворяться в нуждах зависимого. Но при всем разнообразии форм внутренняя логика остается одной и той же: жизнь строится вокруг патологии другого, а не вокруг собственной субъектности.

В аддиктивной системе это имеет принципиальное значение, потому что созависимость нередко поддерживает зависимость даже тогда, когда внешне направлена на борьбу с ней. Попытки тотального контроля, постоянного надзора, спасательства, эмоционального шантажа, бесконечных обещаний, финансового прикрытия или привычки устранять последствия употребления могут непреднамеренно снижать для зависимого степень столкновения с реальностью. Там, где человек должен был бы встретиться с последствиями своего поведения, система отношений нередко смягчает удар, удерживает разрушение на себе и тем самым продлевает существование зависимости.

Но было бы слишком просто представить созависимого только как того, кто мешает выздоровлению. Это было бы поверхностно и, пожалуй,

несправедливо. В подавляющем большинстве случаев созависимость тоже является формой страдания, а не злой воли. За ней стоят хронический страх, опыт нестабильности, травматизация, бессилие, чувство вины, внутренняя спутанность и глубокая утрата опоры. Очень

часто близкие зависимого человека живут в состоянии постоянной тревожной мобилизации, пытаясь удержать систему от окончательного распада. Их поведение может быть разрушительным, но его источник обычно лежит в боли, а не в холодном расчете.

Клиническая практика показывает, что созависимость постепенно меняет саму структуру личности. У близких зависимого человека нарастают истощение, тревожность, раздражительность, эмоциональная лабильность, нарушения сна, потеря контакта с собственными потребностями и трудности в принятии решений. Они начинают хуже понимать, что чувствуют сами, чего хотят, где их границы, что они действительно могут контролировать, а что нет. В этом смысле созависимость не просто сопровождает зависимость, она сама становится деформирующим процессом, затрагивающим мышление, эмоции, тело и жизненные выборы.

Особенно важно, что в созависимой системе нарушается сама логика ответственности. Зависимый человек нередко перекладывает ее вовне, а близкие, напротив, начинают брать на себя чрезмерно много. Один утрачивает чувство последствий, другой живет так, будто обязан удержать весь мир от распада. В результате система становится глубоко неравновесной. Один все больше теряет субъектность через употребление, другой через тотальное вовлечение в чужую жизнь. И хотя внешне они занимают противоположные позиции, внутренне оба оказываются втянутыми в один и тот же патологический круг.

Если смотреть глубже, созависимость можно рассматривать как форму нарушенной саморегуляции на уровне отношений. Там, где человек не выдерживает тревогу, неопределенность, бессилие и невозможность контролировать другого, он начинает компенсировать это гиперконтролем, спасательством, жертвенностью или эмоциональным слиянием. Иными словами, созависимость так же, как и зависимость, становится способом справляться с невыносимым внутренним состоянием. Только если зависимый человек чаще прибегает к веществу или компульсивному действию, то созависимый прибегает к патологическому включению в жизнь другого. В этом состоит их глубинная структурная близость.

Именно поэтому эффективная терапия зависимости не может ограничиваться работой только с тем, кто употребляет. Если система отношений остается прежней, если семья продолжает жить по законам страха, скрытого контроля, эмоционального хаоса и хронического спасательства, устойчивые изменения

становятся значительно менее вероятными. Работа с созависимостью нужна не для того, чтобы обвинить близких, а для того, чтобы восстановить реальность, границы, субъектность и возможность более зрелого взаимодействия. Иногда именно изменение семейной системы создает условия, в которых зависимый человек впервые перестает быть защищен от последствий и получает шанс столкнуться с необходимостью реального выбора.

В то же время важно избегать упрощения. Не каждая вовлеченность близкого человека является созависимостью, и не всякая помощь вредна. Вопрос не в самой заботе, а в ее структуре. Если помощь сохраняет границы, не отменяет реальность, не разрушает субъектность обеих сторон и не служит способом тотального контроля, она может быть поддерживающей. Если же она превращается в хроническое самопожертвование, спутанность ролей и устранение последствий чужой патологии, она становится частью болезненной системы.

Таким образом, созависимость является не внешним фоном, а важнейшим системным измерением аддиктивного расстройства. Она поддерживает зависимость, деформирует близких, нарушает границы ответственности и воспроизводит патологический способ существова-

ния уже не только на уровне одного человека, но и на уровне отношений. Поэтому в глубокой модели лечения зависимости созависимость должна рассматриваться как самостоятельный объект терапевтической работы. Без этого выздоровление остается либо частичным, либо нестойким, либо формальным.

Зависимость как расщепление внутренней целостности

Если попытаться собрать воедино все, что было сказано выше о зависимости как о хроническом рецидивирующем расстройстве, нейробиологической перестройке, эмоциональной дисрегуляции, нарушении телесной саморегуляции и системной деформации отношений, становится ясно, что за всеми этими проявлениями стоит не только симптоматическое нарушение поведения. Постепенно вырисовывается более глубокая картина. Зависимость можно рассматривать как расщепление внутренней целостности человека, при котором разные уровни его психической и жизненной организации перестают действовать согласованно.

Под внутренней целостностью в данном контексте следует понимать не идеальное состояние гармонии и не абстрактную философскую категорию, а способность человека сохранять внутреннюю связанность между чувствами, мыслями, телесными сигналами, ценностями, выбором и реальным поведением. Целостный человек способен переживать напряжение, не разрушаясь; осознавать чувства, не теряя опоры; соотносить импульс с последствиями; выдерживать противоречие между желанием и необходимостью; оставаться в контакте с собой, даже когда внутренний опыт болезнен. Иными словами, целостность, это не отсутствие конфликта, а способность удерживать внутреннюю жизнь в согласованной и перерабатываемой форме.

При зависимости эта согласованность постепенно разрушается. Тело подает одни сигналы, сознание интерпретирует их по-другому. Эмоции переживаются как невыносимые или вообще перестают ясно распознаваться. Мышление либо оправдывает разрушительное поведение, либо формально его осуждает, не имея реальной силы остановить. Ценности могут сохраняться на декларативном уровне, но перестают организовывать поступки. Отношения с близкими становятся одновременно значимыми и разрушаемыми. Человек может понимать, что движется к разрушению, и в то же время продолжать идти именно туда. Именно в этом внутреннем рассогласовании и проявляется расщепление целостности.

Особенно важно, что зависимость расщепляет не только поведение и сознание, но и сам механизм внутреннего выбора. В нормальном состоянии выбор является результатом определенного внутреннего согласования между опытом, смыслом, телесным чувством, эмоциональной оценкой и мыслительной переработкой. При зависимости этот механизм нарушается. Краткосрочный импульс получает приоритет над долгосрочным смыслом. Немедленное облегчение оказывается сильнее внутренней правды. Повторяющийся паттерн становится влиятельнее живого осознанного решения. В результате человек

теряет не просто контроль, а доступ к самому процессу внутренне свободного выбора.

В этой точке становится понятнее, почему зависимость нельзя объяснить только слабостью воли. То, что внешне выглядит как отсутствие силы, на деле часто является глубокой внутренней дезинтеграцией. Одна часть личности может стремиться к трезвости, жизни, сохранению семьи, профессиональной реализации и внутреннему росту. Другая часть, напротив, оказывается связанной с невыносимостью напряжения, тягой к облегчению, привычкой к саморазрушению, бессознательной агрессией, страхом реальности или внутренней пустотой. Пока

между этими частями нет подлинной интеграции, человек будет жить в режиме внутренней войны, в которой разум, мотивация и моральные усилия не всегда способны одержать верх.

Нередко это расщепление проявляется в противопоставлении аналитического и интуитивного, контролирующего и переживающего, рационального и телесного. Один уровень психики может быть гипертрофирован, перегружен объяснениями, попытками все понять, контролировать, удержать и просчитать. Другой уровень, связанный с живым чувством, глубинным распознаванием себя, телесной правдой и непосредственным контактом с внутренним состоянием, оказывается либо подавленным, либо искаженным. В таких случаях зависимость может выступать как ложный способ временно преодолеть этот раскол, дать человеку краткое чувство целостности, расслабления, соединенности или освобождения. Но это соединение оказывается искусственным и разрушительным, потому что достигается ценой дальнейшей дезинтеграции личности.

Следует также учитывать, что расщепление внутренней целостности формируется не одномоментно. Оно может нарастать годами через хроническое подавление чувств, травматические переживания, невозможность безопасного контакта с собой, разрыв между внешними требованиями и внутренней реальностью, раннее привыкание к самоотчуждению. В таком контексте зависимость становится не просто патологией удовольствия, а патологией попытки собрать себя изнутри внешним способом. Человек как будто пытается восстановить нарушенное единство через вещество, ритуал, импульс или компульсивное действие, но в итоге только усиливает тот самый раскол, от которого стремится уйти.

С клинической точки зрения это имеет решающее значение. Если понимать зависимость только как симптом, то задача терапии будет сводиться к запрету, контролю и профилактике срыва. Но если видеть в ней расщепление внутренней целостности, тогда цель лечения становится глубже. Она заключается не только в прекращении употребления, но и в восстановлении согласованности между различными уровнями человеческого существования.

Речь идет о возвращении способности чувствовать без разрушения, мыслить без отрыва от живого опыта, распознавать телесные сигналы, выдерживать напряжение, различать смысл и импульс, удерживать себя в отношениях и делать выбор, который не уничтожает самого человека.

Именно отсюда становится понятной логика интегративного подхода. Если зависимость затрагивает человека целиком, то и выздоровление должно быть направлено на восстановление целостности, а не только на устранение одной патологической привычки. Работа только с поведением недостаточна. Работа только с мышлением недостаточна. Работа только с телом или только с семьей тоже недостаточна. Необходим процесс, который соединяет когнитивное, эмоциональное, телесное, межличностное и смысловое измерения в единую терапевтическую систему. Иначе лечение будет касаться отдельных фрагментов, тогда как сама болезнь существует на уровне нарушенной целостности.

Таким образом, зависимость как расщепление внутренней целостности представляет собой более глубокое понимание аддиктивного расстройства, чем его поведенческое или сугубо медицинское описание. Это состояние, при котором человек утрачивает внутреннюю согласованность, способность к целостной саморегуляции и доступ к свободному внутреннему выбору. Поэтому подлинное выздоровление следует рассматривать как процесс не только отказа от вещества, но и восстановления внутреннего единства, без которого ни устойчивость ремиссии, ни полноценное возвращение к жизни остаются невозможными.

ГЛАВА 2

Когнитивно-поведенческая терапия: возможности и ограничения

Когнитивно-поведенческая терапия занимает одно из наиболее заметных мест в современной системе помощи людям с зависимостями. И это вполне понятно. У данного подхода есть ясная структура, понятный язык, разработанные техники, хорошая методическая оформленность и, что особенно важно для профессионального сообщества, значительное количество эмпирических данных, подтверждающих его эффективность в ряде клинических задач. КПТ помогает выявлять дезадаптивные убеждения, отслеживать автоматические мысли, распознавать триггеры употребления, обучать навыкам совладания, снижать риск рецидива и выстраивать более реалистичное отношение к собственному поведению. Во многих случаях именно этот подход становится для пациента первым понятным мостом между хаотичным внутренним состоянием и возможностью осознанной работы над собой.

Особая ценность когнитивно-поведенческой терапии заключается в том, что она возвращает человеку наблюдающую позицию по отношению к собственным мыслям, импульсам и поведенческим схемам. Для зависимого пациента это принципиально важно, поскольку аддитивный процесс часто развивается как автоматизированная цепь, в которой состояние, мысль, желание и действие следуют друг за другом почти без паузы. КПТ создает пространство, в котором эта цепь может быть замечена, расчленена и подвергнута анализу. Уже одно это во многих случаях снижает степень слитности человека со своим импульсом и повышает уровень поведенческого контроля.

Не менее значимым является и то, что КПТ предлагает пациенту конкретные инструменты. В контексте зависимости это особенно ценно, потому что многие люди приходят в терапию в состоянии внутренней дезорганизации и нуждаются не только в понимании причин своего состояния, но и в рабочем наборе действий, которые можно применять в реальной жизни. Навыки самонаблюдения, реструктуризации мышления, поведенческого планирования, распознавания рискованных ситуаций, отслеживания эмоциональных и когнитивных предвестников срыва действительно могут существенно укреплять устойчивость пациента, особенно на ранних этапах выздоровления.

Однако именно здесь и проявляются границы данного подхода. При всей своей эффективности КПТ не всегда способна в полной мере охватить глубину тех процессов, которые лежат в основании тяжелой и хронической зависимости.

Она хорошо работает там, где необходимо распознать и изменить дисфункциональные мысли, освоить навыки самоконтроля и повысить осознанность в отношении поведения. Но зависимость далеко не всегда удерживается на уровне ошибочных убеждений или недостатка поведенческих стратегий. Во многих случаях она укоренена значительно глубже, в нарушениях саморегуляции, в расщеплении внутренней целостности, в телесно закрепленных паттернах, в травматическом опыте, в дефиците устойчивой внутренней опоры и в нарушенной способности выдерживать собственную внутреннюю жизнь без разрушительного ухода в симптом.

Одно из основных ограничений КПТ заключается в том, что она преимущественно опирается на аналитический уровень психики. И хотя современные формы этого подхода стали

значительно более гибкими, чем его ранние версии, в клинической практике он все же часто ориентирован на осмысление, когнитивное распознавание, логическую переработку и тренировку контролирующих функций. Для части пациентов это оказывается полезным, но для другой части именно гипертрофированный контроль и чрезмерная перегрузка аналитической системы уже являются частью проблемы. Такие пациенты много понимают, хорошо объясняют свое состояние, могут грамотно описывать механизмы зависимости, но при этом остаются отрезанными от более глубокого контакта с собой, телом, чувствами и внутренней правдой переживания.

КПТ, безусловно, помогает человеку научиться замечать свои мысли и реакции, но она не всегда выводит его к тем слоям внутреннего опыта, где зависимость переживается не как ошибка мышления, а как почти тотальный способ существования. Там, где человек сталкивается с глубинной пустотой, хроническим стыдом, расщеплением, невыносимым внутренним напряжением или утратой смысловой опоры, одной когнитивной переработки часто оказывается недостаточно. Пациент может рационально понимать, что делает с собой, может знать все о триггерах и рецидивных цепочках, но в момент внутреннего обрушения это знание не становится достаточной силой для удержания себя.

Еще одно ограничение связано с тем, что классическая когнитивно-поведенческая логика во многом строится вокруг идеи коррекции. Она ищет и исправляет искажение, тренирует более адаптивный ответ, укрепляет альтернативный навык. Но при тяжелой зависимости нередко требуется не столько коррекция отдельного механизма, сколько более глубокая перестройка внутренней организации личности. Иначе говоря, проблема может заключаться не только в том, что человек думает неправильно, а в том, что он живет в состоянии внутренней дезинтеграции, где мысль, чувство, тело, импульс и смысл перестали быть связанными друг с другом. В такой ситуации

работа только на уровне когнитивной корректировки дает результат, но этот результат может оставаться ограниченным или нестойким.

Следует учитывать и различие между поведенческим контролем и внутренним выздоровлением. КПТ часто эффективно повышает способность управлять поведением, особенно в краткосрочной перспективе. Это важно, и я бы не стал это недооценивать. Но контроль сам по себе еще не равен восстановлению. Более того, в некоторых случаях чрезмерная опора только на контроль создает хрупкую конструкцию, которая держится до тех пор, пока сохраняется достаточный уровень напряжения, мотивации или внешней поддержки. Если же пациент сталкивается с сильной эмоциональной перегрузкой, экзистенциальным кризисом или обрушением привычной системы опор, такая конструкция может не выдержать.

Есть и еще одна тонкость. КПТ в работе с зависимостью часто ориентирована на отдельного индивида, тогда как сам аддиктивный процесс почти всегда развернут в более широкой системе. Он поддерживается семейной динамикой, созависимыми отношениями, телесными паттернами, средой, образом жизни, нарушениями ритма, социальной дезадаптацией, дефицитом смысла и утратой внутренней субъектности. Если эти уровни не включаются в терапию, то даже качественная когнитивная работа может оставаться частичной. Человек начинает лучше понимать себя, но его жизненная система при этом продолжает жить по прежним законам.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о телесности. В традиционной форме КПТ тело чаще рассматривается как источник физиологических реакций, сопровождающих мысль и эмоцию. Но при зависимости телесный уровень часто играет куда более фундаментальную

роль. Через тело закрепляется влечение, через тело проживается тревога, через тело запускаются автоматизмы облегчения, через тело проявляется хроническая дисрегуляция. Если терапия недостаточно учитывает этот уровень, она рискует оставаться слишком «верхней», даже при интеллектуальной глубине и методической точности.

При этом было бы ошибкой противопоставлять КПТ и более интегративные подходы как взаимоисключающие модели. На мой взгляд, вопрос стоит не в отказе от когнитивно-поведенческой терапии, а в понимании ее точного места. КПТ особенно полезна как структурирующий, стабилизирующий и обучающий компонент лечения. Она помогает на ранних этапах выстроить наблюдение, создать язык для описания происходящего, обучить навыкам, снизить хаос и поддержать пациента в формировании первичной устойчивости. Но там, где зависимость затрагивает глубинные уровни личности, одних когнитивных и поведенческих интервенций недостаточно. Они должны быть включены в более широкую терапевтическую систему.

Именно здесь обнаруживается необходимость интегративной модели. Если зависимость является не только нарушением мышления и поведения, но и расстройством саморегуляции, целостности, телесной чувствительности, эмоциональной переработки и отношений, тогда лечение должно выходить за пределы одного метода. КПТ сохраняет свою ценность, но перестает рассматриваться как исчерпывающее решение. Она становится частью более объемного процесса, в котором аналитическая работа сочетается с восстановлением контакта с телом, переработкой эмоционального опыта, трансформацией семейной системы, снижением хронического напряжения и формированием новой внутренней опоры.

Таким образом, когнитивно-поведенческая терапия обладает значительным терапевтическим потенциалом в лечении зависимостей и справедливо занимает важное место в современной клинической практике. Она дает пациенту ясность, структуру, навыки и инструменты самонаблюдения. Однако ее возможности оказываются ограниченными там, где зависимость укоренена в более глубоком уровне внутренней дезинтеграции. Именно поэтому при работе с тяжелыми и хроническими формами аддиктивного расстройства КПТ следует рассматривать не как завершённую модель лечения, а как важный, но частичный элемент более широкой интегративной терапии.

Программы «12 ступеней»: терапевтический потенциал и пределы применимости

Программы «12 ступеней» занимают особое место в истории помощи людям с зависимостями. В отличие от многих профессиональных психотерапевтических моделей, они выросли не из академической теории, а из живого опыта людей, переживших разрушительное действие зависимости и нашедших способ поддерживать трезвость через взаимную опору, признание собственного бессилия перед аддиктивным процессом, нравственную работу и духовную переориентацию. Именно поэтому подход «12 ступеней» нельзя оценивать только с точки зрения формальной научной системности. Его значение определяется не столько теоретической завершенностью, сколько тем, что он оказался практически жизнеспособным и помог огромному числу людей удержаться в процессе выздоровления.

Одной из главных сильных сторон этой модели является преодоление изоляции. Зависимость почти всегда развивается внутри стыда, одиночества, ощущения собственной дефектности и убежденности в том, что происходящее невозможно по-настоящему разделить с другим человеком. В этом смысле включение в сообщество людей с аналогичным опытом производит выраженный терапевтический эффект. Человек перестает воспринимать себя как исклю-

чительный и безнадежный случай, начинает узнавать собственные механизмы в рассказах других, получает язык для описания своего состояния и выходит из болезненной замкнутости. Уже одно это для многих становится первым реальным шагом к устойчивому воздержанию.

Не менее значимым является то, что программа «12 ступеней» предлагает не просто поддержку, а определенную внутреннюю структуру. Она задает последовательность нравственной и экзистенциальной работы: признание проблемы, отказ от всемогущего контроля, инвентаризацию собственной жизни, признание ошибок, готовность к внутренним изменениям, восстановление разрушенных отношений и дальнейшее поддержание трезвости через служение и честность перед собой. Для многих зависимых людей такая структура оказывается терапевтически важной, потому что возвращает их из хаоса в последовательность, из самооправдания в реальность, из разрушительной грандиозности в более трезвое отношение к себе.

Отдельного внимания заслуживает духовное измерение программы. И здесь важно не впадать ни в идеализацию, ни в упрощение. Суть ее терапевтического потенциала не обязательно в религиозной доктрине как таковой, а в том, что она помогает человеку выйти за пределы замкнутого самоцентрированного усилия. Для зависимого человека, который либо потерял внутреннюю опору, либо истощил собственную систему контроля, обращение к чему-то большему,

чем его разрушенное Я, может становиться поворотным моментом. В одних случаях это действительно переживается как духовное пробуждение, в других как восстановление смирения, реалистичности и связи со смыслом. Так или иначе, программа вводит человека в пространство, где выздоровление понимается не только как отказ от вещества, но и как изменение образа жизни и внутреннего отношения к себе и миру.

Сильной стороной модели «12 ступеней» является также длительная поддерживающая среда. В отличие от ограниченной по времени терапии, сообщество может оставаться частью жизни человека на протяжении многих лет. Это особенно важно при хронической зависимости, где проблема редко решается одномоментно. Возможность регулярно возвращаться в пространство узнавания, свидетельства, самонаблюдения и поддержки снижает риск рецидива и помогает удерживать трезвость не как разовое усилие, а как длительный процесс. Для части людей именно постоянство сообщества становится тем контейнером, которого у них никогда не было ни в семье, ни в более раннем жизненном опыте.

Однако при всех этих достоинствах модель «12 ступеней» имеет и свои ограничения. Прежде всего она не всегда достаточна для людей с глубокой психической травматизацией, выраженной личностной дезорганизацией, тяжелыми аффективными расстройствами, нарушениями телесной саморегуляции или сложной семейной динамикой. Сообщество способно поддерживать, направлять и удерживать, но оно не всегда может переработать те внутренние процессы, которые требуют более тонкой клинической работы. Там, где зависимость укоренилась в тяжелом расщеплении, глубоком стыде, телесной дисрегуляции или длительном травматическом опыте, одной только групповой идентификации и духовно-нравственной рамки бывает недостаточно.

Существует и другая сложность. Для некоторых людей язык бессилия и капитуляции оказывается терапевтическим, потому что разрушает патологическую иллюзию контроля. Но для других он может переживаться как избыточно жесткий, унифицирующий или даже ретроуматирующий. Особенно это касается пациентов с историей унижения, подавления субъектности, хронической беспомощности или тяжелой зависимости от внешнего авторитета. Если

такой человек входит в программу без достаточной внутренней опоры и без возможности осмыслить свой опыт в более дифференцированном ключе, существует риск, что вместо зрелого смирения он усилит патологическую зависимость от группы, от спонсора или от готовой идеологической схемы.

Необходимо учитывать и то, что программа «12 ступеней» изначально строится вокруг универсальной модели выздоровления. В этом ее сила, но в этом же и ограничение. Она дает общий язык, общий ритуал, общую траекторию, однако

зависимые люди существенно различаются по структуре личности, уровню травматизации, когнитивному стилю, семейной системе, способности к рефлексии и глубине соматической дисрегуляции. То, что для одного становится спасительной простотой, для другого может оказаться недостаточной глубиной. То, что одному помогает удерживаться, другому не дает доступа к собственному внутреннему процессу.

Еще один предел связан с тем, что программа в большей степени поддерживает трезвость, чем объясняет индивидуальную внутреннюю архитектуру зависимости. Она эффективно работает как путь удержания, общинной поддержки и нравственной коррекции, но не всегда помогает в полной мере понять, каким образом у конкретного человека связаны между собой травма, тело, расщепление, семейная динамика, эмоциональная дисрегуляция и нарушение смысловой организации личности. Между тем именно это понимание во многих случаях необходимо для глубокой и устойчивой трансформации.

Следует сказать и о том, что для части пациентов участие в сообществах «12 ступеней» со временем может становиться не пространством роста, а формой стабилизации на определенном уровне. Человек удерживает трезвость, но не идет глубже в сторону интеграции личности. Он знает язык выздоровления, повторяет правильные формулы, посещает группы, но при этом его эмоциональная незрелость, телесная отчужденность, семейная спутанность или внутреннее расщепление остаются в значительной степени нетронутыми. Это не отменяет ценности программы, но показывает, что трезвость и выздоровление не всегда тождественны.

В этой связи модель «12 ступеней» целесообразно рассматривать не как универсальное и исчерпывающее решение, а как важный компонент более широкой системы помощи. Для многих людей она становится незаменимой опорой, особенно на этапах признания болезни, выхода из отрицания, разрушения изоляции и поддержания трезвости. Но в случаях, где зависимость затрагивает более глубокие уровни психической, телесной и relational организации, она нуждается в дополнении психотерапией, работой с семьей, восстановлением саморегуляции, телесной чувствительности и внутренней целостности.

Таким образом, программы «12 ступеней» обладают значительным терапевтическим потенциалом и по праву занимают важное место в системе лечения зависимостей. Они дают человеку сообщество, структуру, язык выздоровления, возможность признания своей болезни и путь длительной поддержки. Однако их пределы становятся очевидными там, где зависимость выступает не только как нарушение поведения, но и как сложное расстройство личности, саморегуляции, телесной организации и отношений. Именно поэтому

в современной клинической практике модель «12 ступеней» должна рассматриваться как ценная, но не исчерпывающая часть интегративного подхода к выздоровлению.

Психодинамические подходы в терапии зависимостей

Психодинамические подходы к лечению зависимостей занимают в клинической практике особое место, потому что позволяют рассматривать аддиктивное поведение не только как симптоматический срыв контроля, но и как выражение более глубоких внутренних конфликтов, дефицитов и нарушений психической организации. В отличие от моделей, сосредоточенных преимущественно на наблюдаемом поведении или когнитивных механизмах, психодинамическая перспектива обращает внимание на бессознательные процессы, ранний опыт отношений, структуру личности, защитные механизмы, внутренние объекты, конфликт между потребностями и запретами, а также на те формы внутренней боли, которые не получили достаточной переработки и символизации.

С этой точки зрения зависимость может пониматься как особый способ регуляции невыносимого внутреннего состояния. Вещество или компульсивное поведение начинает выполнять функцию, которую психика по тем или иным причинам не может выполнить самостоятельно. Оно может смягчать внутреннюю пустоту, приглушать тревогу, купировать стыд, компенсировать нарциссическую уязвимость, создавать иллюзию всемогущества, снимать напряжение от амбивалентных чувств или заменять дефицитарный опыт привязанности. В этом смысле зависимость предстает не случайным отклонением, а своеобразным патологическим решением глубинной внутренней проблемы. Именно это делает психодинамический взгляд столь важным: он позволяет увидеть в симптоме не только разрушение, но и скрытую попытку психики справиться с тем, что переживается как внутренне невыносимое.

Сильной стороной психодинамического подхода является его способность работать с тем, что не лежит на поверхности. Многие зависимые пациенты хорошо умеют рационализировать свое поведение, объяснять его внешними обстоятельствами, ссылаться на стресс, одиночество, случайность или особенности характера. Однако за этими объяснениями нередко скрываются гораздо более глубокие переживания, связанные с ранней небезопасностью, дефицитом эмоционального контейнирования, страхом зависимости от другого, хроническим стыдом, бессознательной агрессией, расщеплением образа себя и других, невозможностью выдерживать амбивалентность. Психодинамическая терапия дает язык и пространство для работы именно с этим уровнем.

Одним из ключевых достоинств психодинамической терапии является внимание к внутренней истории человека. Зависимость редко возникает в пустоте. Часто она развивается на фоне нарушенной привязанности, хронического эмоционального дефицита, нестабильных или травматических отношений, где чувства не выдерживались, не назывались и не

перерабатывались. В таких условиях психика может не сформировать достаточно надежные механизмы самоподдержки и аффективной регуляции. Тогда вещество начинает выполнять функцию внешнего регулятора, а иногда и суррогатного объекта, к которому человек обращается всякий раз, когда сталкивается с внутренней фрустрацией, одиночеством, тревогой или переживанием собственной непереносимости.

Психодинамическая модель также особенно ценна тем, что позволяет увидеть зависимость как часть общей структуры личности, а не как изолированный симптом. Это важно, потому что в клинической реальности зависимые пациенты существенно различаются. У одних на первый план выходит импульсивность, неустойчивость, дефицит границ и выраженная аффективная лабильность. У других, напротив, наблюдается ригидность, гиперконтроль,

выраженный стыд, трудность доступа к чувствам и хроническое внутреннее напряжение. У третьих зависимость оказывается тесно связанной с нарциссической уязвимостью, внутренней пустотой или необходимостью поддерживать ощущение собственной ценности. Психодинамический подход дает возможность различать эти структуры и понимать, что один и тот же симптом может иметь различную внутреннюю природу.

Особое значение имеет работа с защитными механизмами. Отрицание, рационализация, проекция, расщепление, идеализация и обесценивание при зависимости часто становятся не просто эпизодическими реакциями, а устойчивыми способами поддержания психического равновесия. Без понимания этих механизмов терапия может оставаться поверхностной. Человек может соглашаться с необходимостью лечения, говорить правильные вещи, демонстрировать мотивацию, но при этом его внутренняя организация продолжает защищаться от встречи с теми переживаниями, которые и лежат в основе зависимости. Психодинамическая работа позволяет постепенно сделать эти процессы видимыми и тем самым уменьшить степень бессознательной принудительности симптома.

Еще одной важной особенностью психодинамического подхода является внимание к терапевтическим отношениям как к живому пространству воспроизведения и переработки внутренних паттернов. В отношениях с терапевтом зависимый пациент может вновь разыгрывать свои базовые конфликты: страх близости и одновременно жажду слияния, ожидание контроля, обесценивание помощи, стыд перед зависимостью, протест против ограничений, бессознательное стремление к саморазрушению, потребность в идеализированном спасателе. Если терапия умеет это распознавать и выдерживать, она становится не только местом обсуждения зависимости, но и пространством реального психического изменения.

Однако именно здесь проявляются и ограничения психодинамического подхода. При всей своей глубине он не всегда оказывается достаточным как единственная модель лечения зависимости, особенно на острых этапах. Пациент, находящийся в состоянии высокой импульсивности, абстинентного дистресса, выраженной дезорганизации или непосредственной угрозы срыва, часто нуждается не только в исследовании бессознательных конфликтов, но и в более прямой поддержке структуры, поведения и режима. Если у человека отсутствует минимальная устойчивость, способность к рефлексии и выдерживанию терапевтического процесса, глубинная интерпретативная работа может оказаться преждевременной и даже дестабилизирующей.

Еще одна проблема состоит в том, что психодинамическая терапия исторически не всегда уделяла достаточное внимание телесному уровню, нейробиологическим механизмам зависимости и поведенческой профилактике рецидива. Между тем в аддиктивном процессе именно эти компоненты часто играют решающую роль. Можно глубоко понять свои внутренние конфликты, но при этом оставаться уязвимым к телесной тяге, стрессовой перегрузке, семейной провокации, разрушительному окружению и отсутствию конкретных навыков саморегуляции. В этом смысле одно только понимание еще не гарантирует устойчивого выздоровления.

Следует признать и то, что психодинамическая терапия требует времени, квалификации и определенной готовности пациента к длительной внутренней работе. Для части зависимых людей такой формат оказывается продуктивным, но для другой части слишком медленным, сложным или недостаточно структурирующим. Там, где человеку необходимо быстрое выстраивание опор, ясных рамок и конкретных инструментов удержания, исключительно психодинамический формат может не дать нужной степени непосредственной поддержки.

Поэтому, при всей своей глубине, психодинамические подходы наиболее ценны тогда, когда включаются в более широкую интегративную модель. Они дают то, чего часто не хватает более симптом-ориентированным методам: понимание внутренней логики зависимости, работу с личностной структурой, возможность переработки раннего опыта, анализ бессознательных конфликтов и трансформацию базовых отношений с собой и другими. Но чтобы это понимание стало устойчивым выздоровлением, оно должно соединяться с поведенческой структурой, телесной регуляцией, семейной работой, профилактикой рецидива и восстановлением жизненной системы в целом.

Таким образом, психодинамические подходы обладают значительным потенциалом в терапии зависимостей, особенно там, где необходимо выйти за пределы симптома и прикоснуться к глубинной организации внутренней жизни пациента. Они позволяют увидеть зависимость как выражение не только

влечения, но и внутреннего конфликта, дефицита, защиты и расщепления. Однако в клинической практике их возможности оказываются наиболее плодотворными не в изоляции, а в сочетании с другими уровнями помощи, которые делают процесс выздоровления более целостным, структурированным и устойчивым.

Групповая психотерапия и модели профилактики рецидива

Групповая психотерапия занимает в лечении зависимостей особое место, и, на мой взгляд, это не случайно. Зависимость почти никогда не существует только как индивидуальный внутренний процесс. Она развивается, закрепляется и воспроизводится в поле отношений, в нарушениях привязанности, в искаженной коммуникации, в переживании стыда, изоляции, ложной автономии и невозможности выдерживать близость без защиты или разрушения. Именно поэтому групповая форма работы оказывается для зависимого человека не просто одним из терапевтических инструментов, а особой средой, в которой начинают проявляться и одновременно перерабатываться ключевые механизмы аддиктивного расстройства.

Одним из главных терапевтических эффектов группы является преодоление патологической изоляции. Для зависимого человека характерно ощущение собственной отдельности, непонятости, испорченности, нередко сопровождаемое либо скрытым чувством исключительности, либо тотальным стыдом. Группа постепенно разрушает это переживание. Встречаясь с другими людьми, которые несут сходный опыт боли, срывов, отрицания, утраты контроля и разрушенных отношений, человек начинает видеть, что его внутренний мир не уникален в своей безнадежности. Это ослабляет стыд, делает возможной большую честность и возвращает способность распознавать себя через отражение в других.

Групповая работа особенно ценна тем, что она выводит зависимого человека из замкнутого диалога с самим собой. В индивидуальной терапии пациент может многое понимать, но все равно оставаться внутри привычной конструкции самовосприятия. В группе же он неизбежно сталкивается с живой обратной связью, с реакциями других, с тем, как его слова, защита, агрессия, обесценивание, манипуляция, уход в жертву или стремление к контролю воспринимаются извне. Это делает группу пространством не только поддержки, но и реальности. Она показывает человеку его паттерны не в абстрактном описании, а в непосредственном взаимодействии.

Еще один важный аспект связан с тем, что группа позволяет работать не только с симптомом, но и с relational организацией личности. Многие зависимые пациенты испытывают

выраженные трудности в области близости, доверия, границ, зависимости от чужого мнения, страха отвержения, соперничества, амбивалентности по отношению к авторитету. Все эти конфликты в группе становятся видимыми. Человек может одновременно стремиться к принятию и бояться его, искать поддержки и обесценивать ее, тянуться к лидеру и сопротивляться любому влиянию, нуждаться в принадлежности и в то же время

бессознательно разрушать связь. Именно поэтому групповая терапия дает уникальную возможность работать с теми отношенческими паттернами, которые часто и составляют почву зависимости.

Особое значение групповая форма имеет и для восстановления способности выдерживать аффект в присутствии другого. Один из глубинных дефицитов зависимого человека часто заключается в невозможности оставаться в контакте со своим переживанием без немедленного ухода в вещество, защиту или отыгрывание. Группа создает пространство, в котором чувства могут быть не только выражены, но и выдержаны, отражены, названы и переработаны внутри человеческого контакта. Это меняет саму структуру переживания. То, что раньше вело к срыву, начинает становиться материалом для связи, осознания и внутреннего изменения.

Отдельного внимания заслуживают модели профилактики рецидива, которые в современной терапии зависимостей стали почти обязательным элементом лечения. Их значение трудно переоценить, поскольку рецидив в аддиктивном процессе не является случайной аномалией. Скорее, он представляет собой закономерный риск, встроенный в саму структуру заболевания. Именно поэтому эффективная терапия не может ограничиваться задачей прекращения употребления. Она должна учить пациента распознавать ранние признаки срыва, понимать свою индивидуальную рецидивную динамику и выстраивать систему действий, позволяющих прервать разрушительный процесс еще до того, как он перейдет в фазу фактического употребления.

Сильной стороной моделей профилактики рецидива является их конкретность. Они помогают человеку увидеть, что срыв начинается не в момент употребления, а значительно раньше, в цепочке изменений настроения, мышления, телесного напряжения, самообмана, социальной изоляции, ослабления дисциплины, идеализации прошлого опыта употребления или постепенного возвращения к старым формам поведения. Это принципиально важное понимание, потому что оно переводит проблему из зоны мистического

«не удержался» в зону распознаваемых и потенциально управляемых процессов. Для многих пациентов уже одно это становится началом большей субъектности по отношению к собственной зависимости.

Кроме того, профилактика рецидива способствует формированию более реалистичного отношения к выздоровлению. Она разрушает опасную иллюзию, будто после определенного периода трезвости проблема исчезает сама собой. Напротив, она учит воспринимать выздоровление как процесс постоянного наблюдения, настройки и саморегуляции. В этом есть определенная зрелость. Человек перестает опираться только на мотивационный подъем или на идею окончательной победы над зависимостью и начинает выстраивать более трезвое отношение к собственной уязвимости. Такое отношение не

обязательно делает его слабее. Наоборот, в ряде случаев именно признание уязвимости становится условием реальной устойчивости.

Однако и здесь существуют ограничения. Если модели профилактики рецидива используются слишком узко, они могут свестись к набору формальных техник и поведенческих пре-

дупреждений. Пациент начинает знать признаки срыва, может даже перечислить свои триггеры, но это знание не всегда становится внутренним изменением. Он как будто осведомлен о механизмах опасности, но не обязательно обретает более глубокую способность выдерживать то внутреннее состояние, которое делает рецидив привлекательным или почти неизбежным. Иначе говоря, профилактика рецидива хорошо описывает путь обратно в зависимость, но не всегда в полной мере отвечает на вопрос, что именно должно укрепиться внутри человека, чтобы этот путь перестал быть для него главным способом регуляции.

Еще одна трудность заключается в том, что многие модели профилактики рецидива строятся прежде всего вокруг индивидуального самоконтроля. Это важно, но не всегда достаточно. Рецидив редко является только результатом личной невнимательности. Он часто связан с более широкой системой, семейной динамикой, социальным окружением, телесной перегрузкой, утратой смысла, эмоциональной изоляцией, неразрешенными внутренними конфликтами. Если эти уровни остаются вне терапии, то даже хорошо освоенные профилактические алгоритмы могут не сработать в момент реального внутреннего обрушения.

Именно поэтому наибольшую эффективность групповая психотерапия и профилактика рецидива демонстрируют тогда, когда соединяются друг с другом. Группа дает живую среду, в которой ранние признаки срыва становятся видимыми не только самому человеку, но и другим. Она снижает риск самообмана, потому что участники способны замечать то, что сам пациент предпочел бы не видеть. Одновременно модели профилактики рецидива дают группе структуру и язык, позволяющие переводить переживание в осознанную работу. В таком сочетании выздоровление перестает быть только внутренним намерением и становится поддерживаемым процессом, имеющим как эмоциональную, так и поведенческую опору.

Следует отметить, что групповая терапия сама по себе тоже не является универсальным решением. Не всякая группа терапевтична. При слабой структуре, недостаточной профессиональной рамке или неучтенной динамике участники могут не перерабатывать свои паттерны, а, наоборот, усиливать хаос, зависимость от группового мнения, конкуренцию, скрытые коалиции или эмоциональное заражение. Поэтому эффективность группы определяется не только самим фактом коллективной работы, но и ее качеством, зрелостью ведущего, ясностью рамок и способностью удерживать пространство, в котором

переживание не разыгрывается бесконтрольно, а становится предметом осмысления и трансформации.

Таким образом, групповая психотерапия и модели профилактики рецидива представляют собой важнейшие компоненты современной помощи при зависимостях. Группа создает пространство для преодоления изоляции, переработки отношений, восстановления честности и формирования нового опыта связи. Профилактика рецидива помогает распознавать индивидуальную динамику срыва и выстраивать систему раннего вмешательства. Однако их максимальная эффективность достигается не в изоляции, а в составе более широкой интегративной модели, где поведенческий контроль соединяется с глубинной работой над саморегуляцией, телесной чувствительностью, внутренней целостностью и системой отношений.

Практики осознанности в лечении зависимостей

Практики осознанности за последние годы заняли заметное место в современной терапии зависимостей, и в этом есть своя закономерность. Зависимость во многом развивается как состояние автоматизма, в котором между внутренним импульсом и действием почти не оста-

ется пространства. Человек не успевает заметить, как напряжение, тревога, пустота, стыд, раздражение или телесная активация переходят в привычный способ разрядки. Именно поэтому методы, развивающие способность к наблюдению, удержанию внимания и более тонкому контакту с собственным состоянием, оказываются терапевтически значимыми. Они возвращают человеку ту внутреннюю паузу, без которой невозможны ни выбор, ни саморегуляция, ни подлинное изменение.

Одним из главных достоинств практик осознанности является то, что они помогают человеку выйти из полной слитности со своим переживанием. В аддиктивном процессе импульс обычно ощущается не как нечто, что можно наблюдать, а как тотальная реальность, немедленно требующая действия. Осознанность постепенно изменяет эту внутреннюю логику. Человек начинает замечать, что тяга, тревога, стыд, пустота или внутреннее напряжение не являются прямым приказом к действию. Они могут быть распознаны, выдержаны, исследованы и прожиты без обязательного перехода в автоматическое отреагирование. Уже одно это создает новое качество внутренней позиции. Вместо привычной принудительности появляется пространство для присутствия.

Не менее важно и то, что практики осознанности восстанавливают контакт с телесным уровнем опыта. Зависимость тесно связана с нарушением interoцепции, с утратой способности различать внутренние сигналы и с тенденцией к немедленной внешней разрядке напряжения. Практики, основанные на внимании к дыханию, телесным ощущениям, волне аффекта, внутреннему напряжению и изменению состояний, постепенно возвращают человеку способность замечать самые ранние признаки внутренней активации. Это особенно ценно в лечении зависимостей, потому что срыв во многих случаях начинается задолго до фактического употребления, с телесного напряжения, внутреннего сжатия, неосознаваемой тревоги, смутного чувства пустоты или постепенного сужения сознания до одного привычного способа облегчения.

Практики осознанности важны и тем, что они позволяют снижать реактивность. Для зависимого человека характерна жизнь в режиме быстрого ответа на внутренний дискомфорт. Возникшее переживание не удерживается и не перерабатывается, а требует немедленного устранения. Осознанность

формирует противоположную способность, оставаться рядом со своим состоянием, не разрушая его и не убегая от него автоматически. В этом смысле она укрепляет одну из центральных функций выздоровления, способность выдерживать внутреннюю жизнь без необходимости мгновенно прерывать ее химическим или компульсивным способом.

Однако здесь необходимо важное уточнение. Осознанность в терапии зависимости нельзя понимать наивно и упрощенно, как универсальную технику успокоения. Для части пациентов прямое обращение к своему внутреннему опыту действительно становится ресурсом, но для другой части оно может оказаться слишком трудным. Особенно это касается людей с тяжелой травматизацией, выраженной диссоциацией, хронической тревогой, внутренней дезорганизацией или глубокой непереносимостью собственных состояний. В таких случаях простое предложение «наблюдать себя» может быть не терапевтическим, а перегружающим. Человек сталкивается не с ясным пространством внутреннего присутствия, а с хаосом, страхом, пустотой или распадом, которые у него еще нет возможности безопасно выдерживать.

Здесь возникает принципиально важное различие между осознанностью и диссоциацией, которое в клинической практике часто оказывается недооцененным. Внешне оба состояния

могут выглядеть похоже: человек как будто наблюдает за собой со стороны, говорит спокойно, не тонет в эмоциях, удерживает дистанцию к собственному опыту. Но по сути это совершенно разные процессы. Осознанность предполагает живой контакт с происходящим, присутствие в переживании, способность быть с ним, не разрушаясь и не убегая. Диссоциация, напротив, означает утрату полноценного контакта, отщепление, эмоциональное онемение или дистанцирование ценой снижения живого включения. Если не различать эти состояния, можно ошибочно принять защитное отчуждение за терапевтическое продвижение.

Существует и другая опасность, которую стоит назвать прямо. Практики осознанности могут использоваться как форма псевдо-духовного обхода боли. Человек начинает говорить языком принятия, наблюдения, присутствия, но при этом не вступает в реальную переработку своего стыда, травмы, агрессии, зависимости от отношений, телесного напряжения или внутреннего расщепления. Тогда осознанность становится не путем углубления контакта с собой, а утонченной формой избегания. Внешне это может выглядеть зрелым и спокойным, но по существу остается все тем же уходом от живой внутренней правды, только более социально одобряемым и интеллектуально оформленным.

Следует учитывать и различие между осознанностью как техникой и осознанностью как внутренним качеством. Само по себе выполнение упражнений еще не означает психической трансформации. Человек может

научиться следить за дыханием, сканировать тело, замечать мысли и состояния, но это не гарантирует, что он стал ближе к себе. Без связи с эмоциональной переработкой, телесной правдой, отношениями и смыслом такие практики могут оставаться полезным, но ограниченным навыком саморегуляции. Поэтому в клинической работе с зависимостью осознанность наиболее продуктивна не как отдельная техника, а как часть более широкого терапевтического процесса.

В то же время ее потенциал действительно велик. Встроенная в грамотную клиническую рамку, осознанность помогает распознавать ранние признаки срыва, уменьшать автоматизм реакции, возвращать контакт с телом, переносить аффект без немедленного действия и восстанавливать наблюдающую позицию по отношению к своим импульсам. По сути, она создает внутри человека то пространство, в котором может начать формироваться новая саморегуляция. А без этого пространства любая борьба с зависимостью рискует снова превратиться либо в подавление, либо в срыв.

Именно поэтому практики осознанности имеют особую ценность в составе интегративного подхода. В сочетании с глубинной психотерапией, телесной работой, восстановлением границ, переработкой эмоционального опыта и изменением жизненной системы они становятся не просто техникой снижения стресса, а инструментом возвращения человека к собственному внутреннему присутствию. В этом случае осознанность уже не подменяет собой терапию, а помогает соединять ее разные уровни, когнитивный, телесный, эмоциональный и смысловой.

Таким образом, практики осознанности обладают значительным терапевтическим потенциалом в лечении зависимостей, особенно в аспекте восстановления наблюдающей позиции, снижения реактивности и укрепления саморегуляции. Однако их возможности раскрываются в полной мере только тогда, когда они не отрываются от клинического контекста и не превращаются в универсальную технику для всех случаев. Вне глубокой терапевтической рамки осознанность может остаться формой поверхностной стабилизации или даже утонченного

избегания. Включенная же в интегративный процесс выздоровления, она становится важным условием восстановления внутренней целостности и способности жить без разрушительного бегства от самого себя.

Необходимость интегративной модели лечения

Если последовательно рассмотреть основные направления, применяемые в современной терапии зависимостей, становится очевидно, что каждое из них вносит важный вклад в понимание и лечение аддиктивного расстройства, но ни одно в отдельности не охватывает всей его сложности. Когнитивно-поведенческая терапия дает структуру, навыки и язык самонаблюдения. Программы «12 ступеней» создают сообщество, нравственную опору и длительную поддерживающую среду. Психодинамические подходы позволяют работать с глубинными конфликтами, защитами и ранним опытом. Групповая психотерапия вскрывает патологию отношений и создает пространство живой обратной связи. Практики осознанности помогают восстанавливать наблюдающую позицию, снижать реактивность и возвращать контакт с телом и внутренним состоянием. Однако именно совокупное рассмотрение этих подходов приводит к важному выводу: каждый из них силен в своей зоне, но каждый по отдельности остается ограниченным.

Это ограничение не является недостатком конкретной школы как таковой. Скорее, оно указывает на природу самой зависимости. Аддиктивное расстройство затрагивает человека одновременно на нескольких уровнях. Оно перестраивает мотивацию и систему вознаграждения, нарушает эмоциональную регуляцию, деформирует телесную чувствительность, ослабляет когнитивный контроль, искажает отношения, формирует созависимые паттерны, разрушает связь со смыслом и внутренней опорой. Если болезнь существует как многослойная дезинтеграция, то и лечение не может быть полноценным, оставаясь только поведенческим, только когнитивным, только духовным, только психодинамическим или только телесным.

Именно здесь возникает необходимость интегративной модели. Под интегративностью в данном контексте следует понимать не механическое соединение разрозненных техник и не эклектическое складывание всего со всем. Такой путь, скорее всего, привел бы к методологической рыхлости. Речь идет о другой логике, о построении терапевтической системы, в которой различные уровни помощи соотносятся между собой как части единого процесса восстановления. Интегративная модель не просто использует разные инструменты, а исходит из целостного понимания зависимости как расстройства внутренней саморегуляции, целостности и жизненной организации человека.

С практической точки зрения это означает, что лечение должно одновременно отвечать на несколько ключевых задач. Оно должно помогать человеку

распознавать и останавливать разрушительное поведение, но не ограничиваться этим. Оно должно восстанавливать способность выдерживать аффект, но не сводиться только к эмоциональной поддержке. Оно должно возвращать контакт с телом, но не замыкаться на телесных техниках. Оно должно учитывать семейную систему и relational паттерны, но не растворяться в них полностью. Оно должно помогать человеку выстраивать смысл, внутреннюю опору и ответственность, не превращаясь при этом в отвлеченную идеологию. Только такая многомерная работа соответствует реальной структуре зависимости.

Интегративная модель становится особенно необходимой там, где зависимость носит хронический, рецидивирующий и глубоко укорененный характер. На ранних или менее тяже-

лых этапах отдельные методы действительно могут давать выраженный эффект. Но при длительной аддиктивной истории, при выраженном расщеплении, при сочетании зависимости с травматизацией, телесной дисрегуляцией, семейной спутанностью и дефицитом внутренней опоры частичные интервенции часто оказываются недостаточными. Они могут дать временную стабилизацию, отдельные улучшения, даже периоды трезвости, но не всегда приводят к глубокой и устойчивой внутренней трансформации.

Есть и еще одна причина, по которой интегративный подход оказывается необходимым. Зависимый человек редко выпадает только в одну форму нарушения. Его трудности обычно носят перекрестный характер. То, что начинается как эмоциональная перегрузка, быстро переходит в телесную активацию, затем в искажение мышления, потом в relational уход, потом в тягу и риск срыва. Или наоборот, внешне все начинается с окружения, но внутри опирается на старый стыд, внутреннюю пустоту и утрату саморегуляции. Если терапия не умеет видеть эти переходы между уровнями, она неизбежно опаздывает. Она работает с отдельным проявлением тогда, когда процесс уже давно развернулся как целостная патологическая динамика.

Интегративная модель важна и потому, что она позволяет по-другому понимать само выздоровление. В рамках узких подходов выздоровление нередко сводится либо к контролю поведения, либо к сохранению трезвости, либо к проработке отдельных внутренних конфликтов. Но при более глубоком рассмотрении становится ясно, что подлинное выздоровление означает восстановление целостности. Это процесс, в котором человек не только перестает употреблять, но и заново учится чувствовать, различать, выдерживать, осмысливать, регулировать, вступать в отношения, распознавать сигналы своего тела, выдерживать реальность без разрушительного бегства и постепенно возвращать себе внутреннюю связанность.

Следовательно, необходимость интегративной модели определяется не модой на междисциплинарность и не желанием сделать терапию более объемной ради самой объемности. Она вытекает из клинической реальности. Если зависимость является сложным биопсихосоциальным и одновременно глубоко личностным расстройством, то лечение должно быть организовано как система, способная охватывать эту сложность без распада на несвязанные фрагменты. Только в этом случае терапия перестает быть набором частных ответов и становится процессом, действительно ведущим к устойчивому изменению.

Таким образом, анализ ограничений традиционных подходов подводит к принципиальному выводу: необходимость интегративной модели лечения обусловлена самой природой зависимости. Ни один частный метод не должен быть отвергнут, но ни один из них не может претендовать на полноту. Лишь их осмысленное включение в единую клиническую логику позволяет работать не только с симптомом, но и с тем расщеплением, нарушением саморегуляции и утратой внутренней целостности, которые лежат в основе аддиктивного расстройства. Именно в этом направлении и становится возможным переход от частичной помощи к подлинному выздоровлению.

ГЛАВА 3

Интегративная психология как методологическая основа ИМЛЗ

Интегративный метод лечения зависимостей не возник как механическое соединение уже существующих терапевтических подходов. Его теоретическая основа формировалась из необходимости ответить на клиническую реальность, которая не укладывается в рамки одной школы, одной техники или одного объяснительного языка. Работа с зависимостью постоянно показывает, что человек страдает одновременно на нескольких уровнях. Нарушение поведения связано с нарушением саморегуляции. Эмоциональная боль связана с телесным напряжением. Семейная спутанность усиливает внутреннее расщепление. Снижение контроля сочетается с глубокой смысловой дезориентацией. Поэтому сама логика терапевтической работы требует такого подхода, который способен видеть человека не по частям, а как целостную, многослойную систему.

Именно в этом контексте интегративная психология выступает как методологическая основа ИМЛЗ. Ее значение заключается не просто в междисциплинарности и не в том, чтобы объединить разные техники под одним названием. Интегративный подход начинается с другого допущения: человеческая психика не может быть адекватно понята, если рассматривать ее только через одну доминирующую оптику. Ни когнитивная схема, ни чисто поведенческая модель, ни исключительно психодинамическое объяснение, ни сугубо биологическое понимание сами по себе не охватывают всей сложности человеческого функционирования. Человек существует одновременно как телесное, эмоциональное, когнитивное, relational и смысловое существо. А значит, и его расстройство, и его выздоровление должны рассматриваться в той же многомерной перспективе.

Интегративная психология как методологическая основа ИМЛЗ исходит из того, что человеческое состояние не может быть редуцировано ни к одному отдельному уровню описания. Эмоция не существует в отрыве от тела. Мысль не существует в отрыве от переживания. Поведение не существует в отрыве от среды. Нарушение саморегуляции не существует в отрыве от истории отношений, а внутренняя дезорганизация почти всегда связана с деформацией смысловой опоры. Поэтому интегративный подход рассматривает человека как динамическую систему, в которой биологическое, психическое, relational, поведенческое и духовно-смысловое постоянно взаимодействуют друг с другом. Это принципиально важно для понимания зависимости, потому что

аддиктивный процесс всегда развивается именно как нарушение согласованности между этими уровнями.

В этом смысле интегративная психология противоположна как редуccionизму, так и хаотической эклектике. Она не сводит зависимость только к нарушению нейромедиаторных процессов, только к ошибкам мышления, только к неразрешенным внутренним конфликтам или только к дефициту духовной опоры. Но она и не складывает все возможные объяснения без внутренней логики. Ее задача состоит в том, чтобы увидеть, как разные уровни человеческого функционирования организуются в единую клиническую картину и как терапевтическое воздействие на одном уровне влияет на остальные. Иными словами, интегративность здесь означает не сумму техник, а системное мышление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.